

Об аресте отца, жизни в «кисятнике», получении рабочей карточки и похоронах Сталина

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1540>

21 марта 2013

Собеседник

Буш Вильям Артурович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 21 марта 2013 и опубликована 10 апреля 2014.

Введение

Первая беседа посвящена воспоминаниям о детстве и юности ученого: о жизни с сестрами и мамой в коммуне преподавателей Тимирязевской академии, об эвакуации и работе возчиком на санях со впряженной коровой, о школьных и университетских годах.

Ключевым моментом этого периода становится арест и расстрел его отца — директора почвенного музея Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Это событие наложило отпечаток на годы взросления ученого: его, как сына «врага народа», только с третьей попытки приняли в комсомол, несколько раз, несмотря на блестящие успехи в учебе, спорте и общественной работе, пытались отчислить из МГУ, лишили желанного рабочего места при распределении. Тем не менее годы детства и учебы Вильям Артурович вспоминает с очевидным удовольствием.

Юрий Вадимович Самодуров: Сегодня встреча с Вильямом Артуровичем Бушем у него дома. Это программа «Устная история науки и культуры», в том числе история геологии. И речь пойдет о том, как история нашей страны и работа в геологии определила судьбу Вильяма Артуровича. И как он сам определял судьбу геологии. Вот, две сходных и взаимонаправленных темы. И естественно, мы должны начать с вашего детства, вашей семьи. Соответственно, когда и где родились? Где воспитывались до поступления в школу и как? И какой был состав семьи?

О родителях и жизни в коммуне

Вильям Артурович Буш: Родился я 22 июля 1931 года в Москве. Мой отец в то время был директором Музея почвоведения в Тимирязевской Сельскохозяйственной академии. Он был латышский стрелок, воевал на Перекопе. И кстати говоря, страшно любопытная история: на Перекопе они воевали, так сказать, параллельно с моим будущим тестем, который был в 51-й стрелковой дивизии, а отец был в Латдивизии, естественно. После этого он кончил рабфак и поступил в Тимирязевскую академию, был любимым учеником академика Вильямса, от коего я унаследовал свое имя. Мать — урожденная Колпенская, она так и осталась Колпенской, фамилию не меняла, поскольку не была — в то время это было принято — не была расписана, формально оформив брак с отцом. Она тоже работала у академика Вильямса, лаборантом-почвоведом. На этой почве они встретились, и результатом встречи получился я и мои две сестры младшие — Элла и Лия. Обе стали геологами. Элла стала геологом-нефтяником, работала у профессора Брода в МГУ. А Лия стала гидрогеологом и работала во ВСЕГИНГЕО. Сейчас обе на пенсии, у них внуки и так далее и тому подобное, и это уже другая история.

Ю.В.: А где жили и как воспитывались?

В.Б.: Сперва мы жили на Ивановской улице, в небольшой дачке. Там жила большая коммуна из сотрудников Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Это страшно любопытное явление. Значит, основоположником и главным членом этой коммуны была Ксения Ильинична Голенкина, дочь очень крупного ботаника (*М. И. Голенкина — Ред.*) с всероссийской известностью. Она была первой женой академика Вильямса. Но они через какое-то время разошлись, и значит, она осталась на бобах. Жила она сперва вместе со своей племянницей, Ольгой Семеновной Ростовцевой, тоже дочерью очень крупного ботаника Ростовцева Семена Ивановича, который был профессором Тимирязевской академии. Потом к этой группе из двух женщин присоединилась еще одна, Любченко, сотрудница Института луговедения, и моя, будущая в то время, мать Наталья Петровна Колпенская.

Ю.В.: Это был какой-то домик просто?

В.Б.: Дачка, в которой было четыре или пять комнат, я не помню. Деревянный домик на соломенной сторожке. Там я появился на свет. Там я жил до 1936 года, когда вся эта коммуна людей, связанных только дружбой и теплыми отношениями, переселилась в такую же четырехкомнатную квартиру, но уже в пятиэтажном кирпичном доме по Красностуденческому проезду. Отец существовал отдельно. Он был, так сказать, юридически неженатым. Получил другую квартиру в соседнем доме напротив, а я мигрировал — то туда, то сюда. То в один дом, то в другой. Мне страшно не повезло. Я в 1937 году пережил арест отца. Это все проходило на моих глазах. У нас в четырехкомнатной квартире было две комнаты. Когда вышел в большую комнату, я увидел, что все книги лежат на полу.

Арест отца

Ю.В.: Это в папиной квартире?

В.Б.: В папиной квартире. Все книги лежат на полу, и все выброшены, потому что, естественно, искали донесения от агентов иностранных разведок.

Ю.В.: А папы уже не было?

В.Б.: А папа вечером пришел ко мне. Я не спал, потому что начался топот, какие-то разговоры. Я, конечно, проснулся. Ну, не знаю, может там, у отца, кто-то есть. А, кстати говоря, к отцу приходил осенью этого же года Алкснис. А они были с отцом знакомы по Валмиере. Латышские стрелки знают, что такое Валмиера, какая там была группа коммунистов. Я проснулся, отец зашел, сказал: «Не волнуйся, сейчас все кончится». Причем отец пришел, а в двери стоял какой-то тип в шинели и сапогах.

” Потом отец через некоторое время еще раз пришел и сказал: «Я уезжаю в командировку. Помни, что ты остаешься пока единственным мужчиной в семье, помогай маме». Опять этот тип стоит в дверях. Отец ушел, и все... Через четыре месяца он был расстрелян на Бутовском полигоне.

Ю.В.: Соответственно узнали вы об этом...

В.Б.: Узнали мы об этом очень давно. То есть через неизвестно сколько лет... Потому что это значило: десять лет без права переписки. Что это значило, мы узнали в 1956-м, когда наступила полная реабилитация. Но где он похоронен, мы узнали еще через много лет.

Ю.В.: Мама ведь, наверное, что-то пыталась узнать, предпринять...

В.Б.: Это все было совершенно бесполезно. Без права переписки. Она носила передачи в Бутырскую тюрьму, я до сих пор не могу мимо нее проходить спокойно. Принимали, принимали — потом перестали. Сказали, что...

Ю.В.: То есть вам было шесть лет?

В.Б.: Да. Мне было шесть лет. Но я-то туда не ходил, конечно. А все это я помню как сегодня. В дальнейшем, конечно, вся эта история очень крупно сказалась на моей жизни. Во-первых, меня три раза принимали в комсомол. Первый раз завалили на комсомольском собрании в школе. Сказали, что я недисциплинированный, слишком много дерусь с мальчишками из класса.

Ю.В.: А может, так и было?

В.Б.: Оно, естественно, так и было. Но это никому не мешало. Второй раз меня в школе приняли, но завалили в районном комитете. Третий раз меня снова... Но, слава богу, тут наша директриса школы, она была знакома в свое время с моим отцом, и она что-то подшерудила, поговорила с кем-то, и меня приняли еще один раз, и на сей раз я прошел райком. Это было в восьмом классе. Потому что мне было совершенно ясно, что без комсомола мне вообще жизни не будет никакой.

О своих предках

Ю.В.: Понятно. Мы как-то очень уже перескочили быстро к аресту вашего папы. А собственно говоря, кто были ваши папа-мама? Кто были дедушки-бабушки? Что-нибудь вы о них знаете?

В.Б.: Дедушков-бабушков со стороны отца я не знаю. Я пытался наводить справки в Риге, но, к сожалению, архив был почему-то закрыт. Он переезжал... И, в общем, я так до него и не добрался. И ничего не знаю. Знаю только, что он был членом Союза ремесленников, токарь, металлист.

Ю.В.: Дедушка...

В.Б.: Подмастерье или мастер, не знаю, кто он был. Артур Якуб Буш. Бабушка — Марта Спрогис, со стороны отца. Чистокровная латышка. Надо сказать, что я как-то наводил справки в Институте этнографии

Академии наук, и мне сказали, что фамилия Буш, которая происходит из Риги, имеет не немецкое и не латышское, а голландское происхождение. Это была большая группа голландских иммигрантов, которые во времена тридцатилетней войны — Тиль Уленшпигель, и так далее, это всем известно... Часть из них эмигрировала на запад, в будущие Соединенные Штаты, а часть — на восток, в Ригу. Так что не исключена вероятность, что какая-то очень дальняя родственная связь на протяжении многих поколений соединяет меня с Бушем-старшим. Младший мне совершенно не нравится, а старший был достойным человеком.

Ю.В.: Понятно... А со стороны...

В.Б.: Да. Со стороны матери. Корни фамилии происходят из Перми. Там была фамилия Антипиных. Судя по фотографиям деда и прадеда, эта фамилия имела какие-то ханты-мансийские корни, потому что какие-то очень крупные круглые лица, совершенно не та конфигурация черт лица... Бабушка моя, Надежда Григорьевна, дочь Григория Антипина, вышла замуж за Петра Колпинского, который был выходцем из Ельца. Это фамилия священников, которые были выходцами из Греции. «Колпос» по-гречески значит «залив». Значит, Петра Колпинского его отец определил в семинарию, надеясь продолжить эту линию. Но ему это очень не понравилось, и он перескочил в какое-то другое учебное заведение. И в конце концов стал лесничим. Лесничим он был как раз в Перми, в Мотовилихе. Там встретился с моей бабушкой, они поженились, и появилась мама. Причем страшно любопытная история, что эта греческая кровь, она «простреливает» периодически в следующих поколениях. Старшая моя сестра — типичная латышка. Я, по-моему, тоже достаточно западноевропейского [типа] лица. А младшая моя сестра, Лия Артуровна, — гречанка типичная. Я женился на чисто русской женщине. У нас родился сын, вот, можете обратить внимание, у вас там, с той стороны [фотография]... В общем-то русское лицо, все нормально. Его старшая дочка, то есть моя старшая внучка — вон она, русская красавица, слева. А справа — гречанка. Когда я приехал получать эту маленькую гречанку в родильный дом, я ее получил на руки и сказал: «Прабабушка Наталья Петровна». Вот такие любопытные вещи.

Ю.В.: Это действительно, с одной стороны, очень необычно. А с другой — типичная такая вещь, смесь всех со всеми.

В.Б.: Ну конечно! Все мы здесь настолько перемешаны! И разговоры о чисто русских кровях и обо всем этом прочем не имеют ни малейшего значения!

Условия жизни и семейное воспитание

Ю.В.: Поскольку вас было трое у мамы, и вокруг еще была коммуна...

В.Б.: Коммуна. Так она и называлась, кстати говоря... Подпольная кличка — «Кисятник». «Кисятник» потому, что Ксения Ильинична Голенкина — тетя Киса, как ее звали. Вокруг этой Ксении Ильиничны «Кисятник» и сформировался.

Ю.В.: Трое детей в то время — это серьезно. А скажите, каковы были материальные условия жизни?

В.Б.: Материальные условия жизни были, в общем-то, по-моему, совершенно нормальные. Лично я никогда не чувствовал никаких особых недостатков в семейной жизни.

Ю.В.: Мама чем зарабатывала? Кем она была?

В.Б.: Мама была научным сотрудником в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Отец был директором Почвенного музея, у него, видимо, был неплохой оклад. Он, кроме того, был еще старшим научным сотрудником в Почвенном институте [имени] Докучаева Академии наук. В общем, мы не бедствовали.

Ю.В.: Дома какая-то библиотека [была]?

В.Б.: Библиотека была очень большая. Во-первых, было дикое количество всяких книг по специальности

и так далее. Не все стены, примерно как здесь — сплошная стена в книгах.

Ю.В.: Так вы и привыкли?

В.Б.: Так я и привык. И кстати говоря, у отца очень много было поэзии. Маяковский, Багрицкий, Уолт Уитмен. Вот эти вот три фамилии... Гайявата. Эти вот вещи, эти произведения, они у меня с детства в голове сидят.

Ю.В.: Хорошо. А такие вещи, которые для детей важны: велосипед, лыжи, коньки...

В.Б.: Нет-нет-нет, ничего этого не было. Это за пределами возможного было, видимо. Какая-то ограниченность, естественно была.

Ю.В.: Естественно. Дедушку и бабушку, вы не сказали, вы застали?

В.Б.: Бабушка меня выходила. Дедушка умер раньше, я с ним никаких контактов не имел. Бабушка жила в Перми. Кстати говоря, у нее была страшно любопытная история. Она вместе со своими дочками отправлялась во время Гражданской войны в колчаковскую эвакуацию, в Иркутск. Но когда в Иркутске воцарилась советская власть, они вернулись обратно в Пермь.

Ю.В.: Я прошу на шаг назад, вы упомянули перед тем, как начался наш разговор, что ваши, то ли дядя... один был юнкер в Зимнем дворце...

В.Б.: Это уже не с моей стороны, это со стороны моей жены. Когда начнем обсуждать мою жену. Там тоже очень интересно.

Ю.В.: А скажите, пожалуйста, наверное, ваш папа был членом партии?

В.Б.: Естественно, совершенно естественно! Причем, по-моему, с 1918-го или 1919 года.

Ю.В.: А мама?

В.Б.: Мама — нет.

Ю.В.: А скажите, каким-то образом проявлялось в вашем детстве, поскольку все-таки одна бабушка была пермская... Ну, отношение ваших родителей к религии? Вас крестили? Дома, может быть, иконы были?

В.Б.: Икон в доме не было.

Ю.В.: Вообще в этой коммуне не было?

В.Б.: Да, в коммуне не было никаких икон! И разговоры о религии не поддерживались, никогда. Я их просто не помню. Да, бабушка, когда я родился, бабушка была вытребована, поскольку и отец, и мать работали — бабушка была вытребована из Перми и приехала к нам. И тут и укоренилась. И потом воспитывала и моих сестер.

” Она меня спасла в двухлетнем возрасте от скарлатины, потому что меня куда-то забросили в больницу, я там начинал помирать, а бабушка туда прорвалась. Стала ухаживать за всеми восемью или десятью младенцами, которые лежали в этой палате.

И ей разрешили здесь ночевать. И она меня выходила, потому что я помирал просто. Всякие вольные разговоры о боге и о религии бабушкой пресекались неукоснительно. Надо сказать, что я, в общем-то, к любой тщательно и хорошо исполняемой религии отношусь совершенно положительно. Невзирая на то, что я человек совершенно антирелигиозный. Я абсолютный атеист, и тут деваться некуда. Но я с удовольствием захожу и в мусульманские мечети, смотрю, как там люди молятся. А с максимальным удовольствием я, конечно, захожу в буддистские храмы. Потому что мне довелось очень много работать

и в Лаосе, и в Камбодже, и во Вьетнаме. Если бы мне кто-нибудь сказал: «Выбирай себе религию», — я бы выбрал буддизм.

Ю.В.: А можно сказать, что у вас было семейное воспитание?

В.Б.: Да, конечно. Никаких детских садов не было. У нас еще были так называемые группы, то есть объединялись дети из близких семей. Нанималась за какую-то мзду дама, которая владела иностранным языком. И на протяжении шести-семи часов она с детьми общалась. Все это происходило на квартире. То на одной, то на другой, то на третьей и так далее. У нас была такая Танте Эльза, которая нас обучала немецкому языку, что мне страшно потом понадобилось, когда я работал в Германии. Ну, это были игры всякие детские. Кстати говоря, с Никитой Алексеевичем Богдановым, в первой группе, в которую я попал, мы из-за чего-то поцапались. Я ему набил морду — и был с позором изгнан из этой группы. И потом уже перешел в другую. *(Смеются.)*

Ю.В.: А скажите, поскольку вы остались без папы фактически с шести лет. Ваша мама потом замуж выходила?

В.Б.: Нет. Так она никогда и не вышла замуж. Я подозреваю, что пару раз у нее были какие-то партнеры. Но это все было скрыто и, в общем, в наш дом они не допускались.

Эвакуация в Красноуфимск

Ю.В.: Понятно. А скажите, вот трое детей, семья, бабушка. Какие-то конкретные обязанности у вас...

В.Б.: До войны у меня никаких обязанностей не было. Но когда началась война, у меня появилась куча обязанностей. Во-первых, мы отправились в эвакуацию в Красноуфимск в Пермской губернии... Я не помню, где он там... *(В Свердловской области. — Ред.)*

Ю.В.: Вместе с сотрудниками Академии?

В.Б.: Весь наш «Кисятник» переехал в этот самый Красноуфимск. Во-первых, нужно было учиться. Во-вторых, нужно было работать, я был назначен возчиком и возил на корове сани. В санях вывозили из конюшни навоз на поля. И потом вывозили какую-то капусту из хранилища на силосорезку...

Ю.В.: Вам было фактически десять лет. Кто вас научил это делать?

В.Б.: А никто не учил. Методом тыка. Корова-то, она не знает, куда ей идти. Значит, ее нужно учить с помощью хлыстика. Что самое печальное — после этой службы корову еще пытались доить. Что из нее выдаивалось, я не знаю.

Ю.В.: Понятно. А скажите, ваша детская среда — это дети «Кисятника»? Или какой-то двор еще?

В.Б.: Нет, в «Кисятнике» никаких детей, кроме нас троих, не было. Это двор из двух домов, 10 и 10А в Красноуфимском проезде. Всё это дети преподавателей Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Эта компания просуществовала до момента поступления моего в университет, до 1949 года.

Ю.В.: То есть какие-то все-таки завязались отношения ...

В.Б.: Конечно, причем сперва были довольно тяжелые вещи, потому что

мне кричали мальчишки: «Ты — враг народа!» Я бил им, пытался бить им морду. Приходил с окровавленной физией домой. Но через пару месяцев все пришло в норму. Потому что половина из этих самых ребят оказались в том же состоянии.

Ю.В.: Понятно. А какой был, скажем так, культурный контекст жизни вашей семьи? В детстве, в юности. За пределами дома. Театр там, кино...

В.Б.: За пределами дома у нас культурный уровень был. Во-первых, над нашей Тимирязевской академией имел шефство Большой театр. И в большой химической аудитории в Тимирязевке — там был амфитеатр — бывали вокальные концерты. И нас, конечно, туда под мышку тащили, и мы все это слушали. Это были арии из опер, романсы и так далее. Музыка, надо сказать, что с самого детства у меня занимала очень большую душевную роль. Во-первых, тетя Киса, эта самая кисятница, она кончила Консерваторию вместе с Бекман-Щербинной, была такая знаменитейшая пианистка. И кстати говоря, муж этой пианистки, Бекман, инженер (*на самом деле — биолог, агроном. — Ред.*) был автором песенки «В лесу родилась ёлочка». Это никто не знает! Эта песенка появилась в 1912 году. Было издание такое карманное вот с этой песенкой.

Ю.В.: То есть там был рояль, в «Кисятнике»? Пианино?

В.Б.: Да, все время было пианино. Сперва был рояль, а когда мы переехали в Красностуденческий, рояль уже не помещался. Было пианино. В основном Киса играла Шумана и Шуберта. Шуман и Шуберт — это у меня, так сказать, с детства в голове. Да, потом меня тоже начали обучать музыке. Я два-три года обучался, но потом у меня было слишком много: спорт, и учеба, и еще что-то...

Ю.В.: Но это уже школа?

В.Б.: Это уже школа. Я бросил обучаться. Но баловался, играл вальсочки всякие и фокстротики и так далее до конца обучения в старом университете, когда у нас был в аудитории рояль. Когда мы переехали в новое здание, пианино не оказалось, и с тех пор я за пианино никогда больше не садился.

Ю.В.: А летние месяцы в вашей коммуне?

В.Б.: Летние месяцы — это, конечно, до войны... Это выезды на природу, какая-то практика. Студентов пестуют, моя мать — тут, мы — тут. Крутимся где-то, Спас-Клепики там, какой-нибудь Мох под Смоленском, болота. В общем, на природе, на натуре.

Ю.В.: А в детстве, в юности — тем более что у вас такая библиотека была — кто-то из героев книг или реальных людей... Как-то ваше воображение...

В.Б.: Гайявата.

Ю.В.: Фенимор Купер, Майн Рид... На кого-то хотелось...

В.Б.: Фенимор Купер и Майн Рид — это было позже. В самом раннем детстве они прошли мимо меня. Вот Гайявата у меня был самый что ни на есть герой!

Ю.В.: Ну а в принципе на кого-то хотелось быть похожим?

В.Б.: Да нет, я как-то не задумывался над этими вещами.

Ю.В.: Ладно. Некоторые ключевые события в истории семьи вы упомянули. А в Гражданскую войну, в революцию все остались живы в семье?

В.Б.: Да. Все остались живы. Даже в Великую Отечественную войну все остались живы.

Ю.В.: Скажите, а после ареста папы на маме это не сказалось?

В.Б.: Не сказалось! Потому что они были совершенно две разные семьи, две разные личности... Видимо, в КГБ нужно было очень спешно выполнять план, и заниматься всякими побочными линиями им было неохота. Тем более что шла кампания по латышским стрелкам, а причем здесь какие-то русские?

Ю.В.: Понятно. Вы упомянули, что должны были уехать в эвакуацию, вся, собственно, эта коммуна...

В.Б.: Весь «Кисятник».

Ю.В.: Да, ваша коммуна, весь «Кисятник». И когда вернулись?

В.Б.: Вернулись мы, по-моему, в феврале или марте 1943 года.

Ю.В.: А условия жизни в эвакуации?

В.Б.: Условия жизни в эвакуации были, в общем, нормальные. Мы получили опять же три или четыре комнаты. Тоже в каком-то деревянном домике. Там была Государственная селекционная станция, в Красноуфимске. И в этой селекционной станции моя мать была главным агрономом.

Ю.В.: То есть у нее была зарплата, карточка?

В.Б.: У нее была зарплата, карточка. У меня была рабочая карточка, потому что я был сперва возчик на корове, потом я был кучер на лошади уже, на следующее лето 1942 года. Я возил свою мать на двуколке.

Ю.В.: То есть это была действительно серьезная работа? И за это полагалась карточка?

В.Б.: Да. Это была рабочая карточка. Зарплата была копеечная. Я помню, первая зарплата, которую я получил, была три рубля восемьдесят пять копеек. Но эту цифру я помню до сих пор. *(Смеется.)* Но главное — карточка! Это двести грамм хлеба лишнего!

Ю.В.: Понятно. А вернулись Вы уже в Красно...

В.Б.: В старую квартиру, в Красностуденческой. Надо сказать, что квартира, в общем-то, уцелела. Мебели не пропало, ну кое-что где-то пропало. Какая-то ерунда. Потому что квартира была опечатана. В нее, кроме домоуправа, никто не имел права заходить. Но домоуправ там, видимо, лично навел некоторый порядок. Но это было несерьезно. Незаметно.

Ю.В.: Библиотека сохранилась?

В.Б.: Библиотека вся сохранилась. А кому это нужно? Какие-то книжки! *(Смеется.)*

Ю.В.: А совсем дурацкий вопрос: телефон там был у вас?

В.Б.: Телефонов не было. Телефон был на квартире у отца. А на второй квартире, у матери, телефона не было.

Учеба в школе

Ю.В.: А во сколько лет и где пошли в школу? И в какую?

В.Б.: В школу я первую пошел, естественно, до войны. Это был 1939-й. Тут рядом. 222-я школа. Потом началась Финская война, нас очень быстренько оттуда выставили, поскольку школу заняли под госпиталь. Перешли в какую-то другую. Из другой нас тоже выставили. Опять же, заняли под госпиталь. Чем это кончилось, я уже не помню.

Ю.В.: До войны, собственно говоря, до эвакуации — три класса, да?

В.Б.: Да. Первую половину, вернее первый и второй семестр 1941 года я вообще пропустил. Потому что сперва нас отправили в эвакуацию в Мичуринск, потом оттуда выгнали, потом полтора месяца ехали до Красноуфимска. Это была дикая даль, господи боже мой! Какие были эти железные дороги, эвакуации, переезды! Ладно, об этом говорить не будем.

Ю.В.: Хорошо. А ваши школы, ваш класс. Школа обычная была?

В.Б.: Самая обычная школа.

Ю.В.: В основном, наверно, дети сотрудников Тимирязевской?

В.Б.: Да, сперва, 222-я школа, в который мы начинали учиться, — это был интеллектуальный уровень. Там были дети сотрудников. А потом, когда началось раздельное обучение, нас перекинули...

Ю.В.: Но это после войны?

В.Б.: После войны. Нас перекинули в 218-ю школу, так сказать, несколько ближе к городу. Но там у нас уже был смешанный контингент.

Ю.В.: Но кончали 218-ю?

В.Б.: 218-ю. Кстати говоря, не так давно я побывал на пятидесятилетии школы. Там было большое мероприятие. Она расцвела. У них совершенно изумительный директор. Мне страшно понравилось это дело. Школа живет и существует.

Ю.В.: Ребята-то были только московские или нет?

В.Б.: Ребята, конечно же, были только московские. В 218 школе были «ашники» и «бэшники». Я был «бэшник». А там «ашники» были еще. «А» и «Б» — два класса параллельных. Я учился с Михаилом Александровичем Семихатовым. Мы с ним жили в одном доме. Он ныне академик. И с Никитой Алексеевичем Богдановым, который помер членкором. Он, по-моему, был «ашник». А мы с Мишкой — «бэшники». А потом, кстати говоря, когда мы учились в университете, нас было три друга — не разлей вода: Книппер, Семихатов, Буш. Вот такие пироги! Два академика, и один — просто так!

Ю.В.: Главное, что все геологи!

В.Б.: А это было время такое!

Ю.В.: Сейчас мы к этому перейдем. Но прежде все-таки — не только же у вас был папа арестован. В школе как-то сказывалось, на отношении учителей...

В.Б.: Нет, никак, никак, никак.

Ю.В.: Вообще, это как-то обсуждалось или все молча?..

В.Б.: К счастью, никак. И даже более того. Я уже упоминал о директрисе, Анне Ивановне Злобиной, которая меня просто силком пропихивала в комсомол.

Ю.В.: Да, но ведь значит, все-таки...

В.Б.: Это не от школы зависело. Не от низов зависело, а от верхов.

Ю.В.: А теперь, собственно говоря, сама школа. Какие предметы, преподаватели нравились, а какие — нет? Было что-то, что осталось в памяти?

В.Б.: У меня был любимый преподаватель, Виктор Николаевич Кантонистов. Он был завуч школы, и преподавал у нас математику. Это был прекраснейший мужик! Он с нами обращался как с ровней, как с такими же мужиками. Например, такая сценка. У нас была любимая игра — «Топ-топ-топ». Начинают так — топ, топ, топ — начинают топтать ногами (*изображает игру*). Потом превращается в грохот совершенный. Входит Виктор. Мы его звали, конечно, Виктор. Берет двух товарищей... Топот, конечно, прекращается. Берет двух товарищей из первого ряда. Подводит к доске. И начинает вот так вот бить лбом о классную доску. (*Смеется.*) И кричит: «Ну, давайте!» Тут мы уж, конечно, не даем.

Ю.В.: Сдавались, да?

В.Б.: Ну, в общем, такие отношения, совершенно неформальные.

Ю.В.: А уровень преподавания?

В.Б.: Уровень преподавания у него был прекрасный. Он нас начал, невзирая на программу школьную, знакомить с началами анализа, с дифференциальным исчислением, с интегральным и так далее. Ну, самые идеи об этих методах. В общем, уровень преподавания был, да, прекрасный. Кроме того, у нас была немка, преподавала нам немецкий язык. Как ее звали — я уже забыл. На первом же уроке она нам объявила: «В пределах школы я русского языка не знаю. Если хотите ко мне обращаться — обращайтесь по-немецки. За воротами школы, за забором — пожалуйста, можете разговаривать по-русски. Но здесь только по-немецки!» И мой однокашник Сережа Потайчук, который потом вместе со мной поступал в МГУ и [в школе] имел железобетонный трояк по немецкому языку, получил на вступительном экзамене пятерочку.

Ю.В.: А скажите, какие еще предметы? Математика, немецкий...

В.Б.: Математика, немецкий, да. Хороший был уровень по географии. У нас еще астрономию давали... Была такая, Лаппо, преподавательница у нас, очень корпулентная. Мы однажды ее попытались подъехать. У нее был очень крупный тыл, и к учительскому столу мы ей подставили два стула, рядышком.

Ю.В.: Да, жестоко...

В.Б.: Она посмотрела и сказала: «Спасибо, мальчики». И уселась на эти два стула. (*Смеются.*) Такие люди у нас были, преподаватели.

Ю.В.: А скажите, по тем предметам, по которым вы хорошо успевали, в какую-то литературу, помимо учебников, залезали? Или это все были учебники?

В.Б.: Да нет конечно. За исключением того, что я читал всю классическую русскую литературу, которой было в то время маловато. Но все, что издавалось, я читал, в общем, исправно.

Ю.В.: В вашем классе какая была атмосфера? Отношение к учебе, интересы. Не знаю, лошади, карты, женщины. (*Смеются.*)

В.Б.: Нет уж, лошадей, карт нам не хватало... (*Смеются.*) Но, в общем, основной упор у меня был на учебу. Потому что мне было ясно, что меня будут бить, топтать, давить и всячески истреблять по причине моей совершенно нестандартной фамилии и биографии. Учеба для меня это был number one. И кроме того — спорт. Я занимался, во-первых, лыжами. И пахал Тимирязевскую сельскохозяйственную... лесную дачу, как она там называется, вдоль и поперек. Потом занимался легкой атлетикой. На стадионе «Свобода» при фабрике «Свобода» на Вятской улице. Там я прыгал, бегал. В основном прыжки в длину, бег. И занимался плаванием. И даже держал какое-то время, и причем довольно долгое время, рекорд среди юношей Тимирязевского района на дистанцию 100 метров брассом. (*Смеются.*) Совершенно неожиданно я там оказался в рекордсменах. Да, и кроме того, конечно, меня интересовала очень астрономия. И где-то я добрался до хранилища пластинок с фотографиями звездного неба. Диапозитивов таких.

Ю.В.: В кружке каком-то?

В.Б.: Я не помню, как до них добрался. Но только помню, что я их долгое время внимательно изучал. Созвездия там были всякие. И после этого я решил, что должен поступать на астрономическое отделение в МГУ.

Ю.В.: Понятно. А медалисты в вашем классе были?

В.Б.: Медалист у нас был только один, который получил, со скрипом, серебряную медаль. У меня было две или три четверки, не помню. Во-первых, по сочинению, конечно, у меня была четверка. Потому что меня эта штука совершенно не интересовала. И даже Мишка Семихатов тоже не получил никакой медали.

Ю.В.: Ну и Богданов, наверное, тоже?

В.Б.: И Никишка Богданов, конечно, тоже. У нас был один Яцино, который продал свою медаль в Институт

международных отношений. Но дальше о нем никто никогда ничего не слышал.

Ю.В.: Хорошо. Сдали экзамены — дальше, соответственно, поступали в институт? Каким образом вы его выбрали?

Выбор будущей профессии. Поступление и учеба в МГУ

В.Б.: Я решил, что я должен заниматься астрономией. Астрофизикой в основном. И поступать я должен в МГУ. А куда еще, с такими претензиями?! Тогда был мехмат, там было астрономическое отделение, и кружок был только один, при мехмате. Я, значит, записался туда, стал ходить на занятия и понял, что туда мне соваться не следует. Потому что там задают такие задачи: «Задан лес. Средний диаметр ствола 30 сантиметров. Среднее расстояние между деревьями 5 метров. Определите, на каком расстоянии за деревьями не будет видно леса». *(Самодуров смеется.)*

Я даже не мог понять, с какого конца к этой задаче приступить! Два-три парня тянут руки и предлагают решение. Мне стало понятно, что я туда не ходок. Что я не выдержу конкуренции. Что ближе всего к астрономии, астрофизике? Геология. Я решил, что буду сдавать туда. Ну и стал сдавать на геологический факультет. На сочинении, естественно, получил четвертак, а на большее я и не рассчитывал. А все остальное у меня прошло по пятеркам. Я получил 29 очков. У нас был конкурс порядка девяти человек на место. Из поступающих, за исключением этих самых медалистов и участников войны. Участников войны, по-моему, у нас было два или три, я не помню, все это было впустую для них.

Ю.В.: А в каком году поступали?

В.Б.: Поступал я в 1949-м. Конечно, только благодаря тому, что я поступал без медали, а по общему конкурсу, я туда и прошел. Потому что если бы была медаль, меня бы завалили элементарно, как мою младшую сестрицу Элли, которая понесла свою медаль. Ее, конечно, завернули на собеседовании. Потому что никаких формальных признаков нет, а тут — папа... Да.

Ю.В.: Но папа-то по документам же...

В.Б.: Все писалось. Папа.

Ю.В.: То есть вы тоже писали?

В.Б.: Значит, папа — такой-то. Мама — проживает там-то. А папа — десять лет без права переписки.

Ю.В.: И вас приняли?

В.Б.: А как же! В то время были довольно неподвинутые критерии принятия. А потому, что 29 очков из 30 возможных. У нас было на конкурсе два человека с тридцатью очками и три человека с двадцатью девятью. Куда денешься? Вот такая странная ситуация.

Ю.В.: То есть поступили на геофак МГУ?

В.Б.: Да, поступил на геофак МГУ. Учились в старом здании. Четыре года отучились, мы были первый выпуск нового здания.

Ю.В.: Понятно. Ну, соответственно, надо вспомнить, что было в институте. Те же самые вопросы. Опять же — уровень преподавания. Какие предметы шли хорошо? Что нравилось, что — нет?

В.Б.: Больше всего мне нравилась общая геология, которую читал Оскар Константинович Ланге. Несколько лекций нам прочитал Александр Николаевич Мазарович-старший. Он не преподавал у нас, но он какие-то вот такие установочные лекции первому курсу прочитал. Потом, конечно, Алексей Алексеевич Богданов, который перешел к нам из МГРИ. Это был наш бог. Конечно, Сергей Дмитриевич Четвериков. Да, кстати говоря, поступал я вместе с Андреем Книппером. Мы с ним на экзамене по математике сидели рядышком, сдавая вступительные экзамены. Значит, я сижу, решаю свою

письменную задачу. Андрей говорит: «Слушай, как выводится формула шара $V = \frac{4}{3} \pi R^3$?» Он забыл! Я ему, значит, раз, два, три — пять строчек набросал. Подсунул эту бумажку. Он только взглянул, он вспомнил! И стал ее расписывать, и расписал полностью. Вот интересно мне знать, сейчас, на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения, будет такая взаимопомощь между потенциальными конкурентами?

Ю.В.: Сейчас ЕГЭ. Конкурс аттестатов. Вообще экзаменов нет.

В.Б.: Это бред собачий, я считаю. Кстати говоря, конкурс аттестатов и конкурс вступительных. На вступительных экзаменах я применил на письменном экзамене... А у нас было два экзамена по математике — письменный и устный. Письменный — какие-то задачи, я их решил. Но на одной из задач применил изящную формулу: $\sin + \cos = 1$. $\sin^2 + \cos^2 = 1$ — квадраты должны быть. А я применил простую. Ну и получил какой-то дурацкий ответ. Сдал работу. Потом — устный. А, уже выйдя в коридор, хлопнул себя по лбу и понял, что я натворил. Когда был устный экзамен, я соответствующим образом подготовился. Ответил на все устные вопросы. Потом он залез в письменную работу — у него глаза вылезли на лоб. И он сказал: «Ну-ка, садитесь вон за тот стол. Напишите все тригонометрические формулы, которые вы знаете». Я их написал. Я до сих пор помню число — их было пятьдесят две. Я все в столбик выписал. Понес, положил на стол. Он посмотрел: «А теперь, к каждой формуле вывод». Я сел опять, а я уже знал, где у меня ахиллесова пята. К каждой формуле я написал вывод. Положил на стол. Он посмотрел и поставил среднюю оценку за два экзамена — пять. Вот так-то!

Ю.В.: Вернемся к преподавателям...

В.Б.: Да, Сергей Дмитриевич Четвериков. Мы с Андреем Книппером...

Ю.В.: Он кристаллографию [преподавал]?

В.Б.: Кристаллографию. Мы с Андреем Книппером поймали [его] на одной из формул кристаллографических осей. Все формулы выводятся хорошо и нормально. А на одной формуле мы чего-то спотыкаемся. Никак не можем ее вывести как следует. На консультации мы к нему обратились: «Почему эта формула по вашему учебнику не выводится?» — «А как ее нужно вывести?» — он нам сказал. А мы сказали, а вот так, так, и вот так. Он сказал: «Давайте ваши зачетки». Мы дали две зачетки, он поставил две пятерки. Сказал: «Я поместил сокращенные выводы. Потому что до полного вывода никто, видимо, никогда не докопается». Вот такой был номер.

Ю.В.: Помимо Четверикова, какие были выдающиеся преподаватели?

В.Б.: Конечно Магницкий, который нам преподавал геофизику. Он еще тогда, в те времена, в 1950–1952 году говорил, что геология и геофизика материков не имеет ничего общего с геологией и геофизикой океанов. Я это навсегда запомнил. И поэтому все эти конструкции с океанизацией у меня вызывали глубочайшее недоверие. И мне всегда казалось, что вот Вегенер, который растягивал, растаскивал океаны, глубочайшим образом прав. Но это было все на уровне инстинктов.

Ю.В.: Вегенер — книжка была у нас переведена, 1929-й, что ли, год. Я просто не помню первое издание.

В.Б.: Вегенеровские книжки я не читал. Я читал дома Аргана. Кстати говоря, у моего отца был Арган «Тектоника Азии» в библиотеке. Эту книжку потом, после разгрома отцовской квартиры, мы перетаскили к себе, и я ее читал.

Ю.В.: Геология преподавалась традиционно?

В.Б.: Ну, естественно!

Ю.В.: То есть о Вегенере, в общем, не упоминалось?

В.Б.: Упоминалось как об очень любопытной оригинальной теории...

Ю.В.: Значит, Магницкий, Четвериков. Вот все-таки, очень важны учителя. Кто произвел какое

впечатление?

В.Б.: Магницкий, Четвериков. Алексей Алексеевич Богданов, конечно. Это первый. Первый и самый главный мой, то есть последний по, так сказать, ходу учебной программы. Первый раз нам начал читать геологию Союза.

Ю.В.: А чем он, так сказать, «брал», чем производил впечатление? Потому что ведь геология Союза — это смертельный предмет. Это же тоска!

В.Б.: Нет, почему? Это самый поразительный, самый интересный предмет, который только мы слушали в университете. А особенно в исполнении Алексея Алексеевича! Он брал, во-первых, эрудицией. Он знал очень много и давал нам гигантский комплекс знаний. И заставлял нас это все учить. Например, заставлял нас учить стратиграфию западного склона Урала рифея.

Ю.В.: «Ну вот и учите свиты!»

В.Б.: Свиты! До сих пор я их помню. Давал нам учить схемы Вялова по стратиграфии третичных отложений Средней Азии. Бухарский, Сумсарский, Алайский и так далее и тому подобное. И это я до сих пор помню! Это все сидит в башке! Причем мы даже конструировали сложные мнемонические схемы для запоминания. Например, схема вяловская называлась БСАТРИХС — Бухарский, Сумсарский, Алайский, Туркестанский, Риштанский, Исфаринский, Ханабадский, Сузакский ярусы.

Ю.В.: А палеонтологию кто преподавал?

В.Б.: Палеонтологию нам читал Роман Федорович Геккер.

Ю.В.: О, так это же имя! А как читал?

В.Б.: Читал блестяще. Меня просто палеонтология как таковая не увлекала.

Ю.В.: Но ведь хорошо читал?

В.Б.: Прекрасно! Он же был артист. С Андреем Книппером был номер. Когда мы сдавали палеонтологию...

Ю.В.: На шпаргалках, нет?

В.Б.: Естественно, шпаргалки мы писали! (*Смеются.*) Это самый продуктивный способ изучения материала. Когда пишешь шпаргалку, ты должен ее уложить в такой небольшой объем, закрутить в ролик и потом между пальцами перематывать. Это каторга, конечно, — перематывать. Когда начинаешь перематывать, ты обнаруживаешь, что все это совершенно бессмысленное дело, потому что ты уже и так все знаешь! Потому что ты спрессовал весь материал в такой континуум, который сразу у тебя вытаскивает из головы все, что, казалось, ты не помнишь. Это самое продуктивное дело — писать шпаргалки.

Ю.В.: А Богданову когда сдавали, шпаргалки помогали?

В.Б.: Нет. Почему-то я никогда не писал. А вот на палеонтологию писали. Да я и не помню, на что мы писали... Но это было очень продуктивное... Кстати говоря, я никогда этими шпаргалками не пользовался. Потому что я обнаружил: А! Я ж все знаю! Так значит, с Книппером. А нет, у нас это был не Роман Федорович Геккер. Это был Юрий Александрович Орлов!

Ю.В.: Орлов — тоже неплохо. Это основатель музея, директор.

В.Б.: Конечно-конечно! Он у нас принимал экзамены в музее.

Ю.В.: То есть это он — артистически преподавал?

В.Б.: Конечно! Я его перепутал. Это был Юрий Александрович Орлов. Значит, был такой номер. Перед экзаменом консультации. Ходим, смотрим всякие черепа. Трилобитов там. Смотрим. Запоминаем. И готовимся. Приходит Юрий Александрович. «И что, — говорит, — вы тут сидите?» — «Да вот готовимся». — «А кто, — говорит, — лихой парень и может мне сдать экзамен сейчас?» Ну, кто-то мялся, Андрей

Книппер поднимает руку, и я поднимаю руку — сейчас сдавать. Он: «Давай!» Вызывает, я не помню, то ли меня, то ли не меня. Не важно. Самое главное — номер был с Андреем Книппером. Вызывает Книппера. Билет. Ответы. Все прекрасно. Говорит: «Пошли в зал!» Выходит в зал, где всякие черепушки. Там два черепа на проходе. Один — буйвол, другой — бизон, у одного череп выпуклый, у другого череп ровный. Кто из них, сейчас я уже не помню. А тут рядом какой-то старичок изучает окаменелые мозги куницы. Тут выходит Юрий Александрович. «Ну!» — говорит. Закрывает таблички. Говорит: «Кто — буйвол? Кто — бизон?» Книппер машет рукой налево, говорит: «Бизон». — «Дурак, — говорит. — Ничего ты не знаешь! Опозорил меня, старика, перед профессором Ереванского университета» (который изучал окаменелые мозги куницы). *(Смеются.)* «Пошел вон!» — говорит. — «Дурак! Завтра зайдете, принесете зачетку, я поставлю оценки». Завтра мы приходим к Юрию Александровичу на экзамен. «Вы, — говорит, — двое. Давайте ваши зачетки сюда!» И обоим выставляет по пятерке. И Книпперу, и мне. А остальных — через билеты.

Ю.В.: Не могу не спросить про петрографию. Кто у вас был? И как это происходило?

В.Б.: Петрографию у нас... С петрографией у меня было плохо. Меня она не интересовала. Я, в общем-то, к ней относился прохладно. Лишь бы сдать.

Ю.В.: Ну как-то сдавали, или хвосты пересдавали?

В.Б.: Нет. У меня за все время обучения в университете ни одной четверки не было! У Книппера и Семихатова были какие-то четвертаки. Но все равно они шли по красным дипломам, а у меня был вообще без одной четверки.

Ю.В.: Так. А тектонику не помните? Как была?

В.Б.: Тектонику? Опять же Алексей Алексеевич. Но мы, конечно, ходили на лекции Белоусова, который читал для геофизиков. На геофизиков мы ходили довольно много. То есть не мы, я ходил. Кстати говоря, сейчас я, вообще-то, геофизический геолог. Волею судьбы.

Ю.В.: Вот вы уже упомянули: Белоусов — это фактически другая группа. Да? Для геофизиков?

В.Б.: Да.

Ю.В.: Были какие-то звезды, которых вы куда-то ходили слушать? Кого-то еще?

В.Б.: Не было. Не было. Не ходили.

Ю.В.: А приезжали в МГУ — кто-то, помимо преподавателей, куда все рвались?

В.Б.: Приезжали, приезжали. Приезжал Евгений Шлыгин из Алма-Аты. Это был казахстанский геолог. Кстати говоря, потом я обнаружил, что мы с ним, ну не родственники, а какие-то свойственники оказались. Впоследствии. Это я обнаружил, когда я познакомился с его сыном Артемом Евгеньевичем. Не важно. Очень крупный геолог. В Казахстане же очень сложные переплетения каледонских структур и варисийских. Как это все решать, было совершенно неясно и непонятно. Там были дикие контroversы. И idiotские совершенно решения. Сейчас это все, конечно, решилось полностью в рамках тектоники плит. Тогда до этого было страшно далеко.

Ю.В.: Скажите, гремели какие-нибудь, когда вы учились — даже если сами не ходили, но в студенческой среде, — какие-то профессора — звезды других факультетов? Историки, еще кто-то? Биологи, филологи?

В.Б.: Нет. Мы были замкнутой...

Ю.В.: Замкнутая среда, да?

В.Б.: Да. Кстати говоря, помню попытку устроить избиение ученых. Литологическая дискуссия Страхов — Пустовалов. Это был 1952-й или 1951 год. То истребляли композиторов. То истребляли вейсманитов-морганистов. То истребляли еще кого-то. А тут попытались устроить истребление геологов. Из этого ничего не вышло. Было совершенно изумительное явление. Конечно, мы там присутствовали,

все студенты прорывались туда, сидели, слушали.

Ю.В.: А это где проходило?

В.Б.: В Пыжевском... Нет, в Старомонетном.

Ю.В.: То есть ходили все-таки?

В.Б.: Естественно! Причем нас туда не пускали, поскольку мы — мелкота. У нас же еще погончики. Мы ходили в мундирчиках.

Ю.В.: Форма была.

В.Б.: «Студиозов не пуцаем!» Мы как-то просачивались, прорывались. И присутствовали там.

Ю.В.: Скажите, а какие-то отголоски истории в МГРИ — это какой год был? 1949-й, то ли 1950 какой-то?

В.Б.: Это Крейтерский погром?

Ю.В.: Крейтер, Барышев... Отголоски были какие-то?

В.Б.: Нет. У нас ничего не было. Но после окончания, у меня на второй год самостоятельной работы, в качестве коллектора пришел студент, который попал под эту крейтерскую раздачу. Из лагерей. Его выпустили, Колесников его фамилия. Потом он работал в ГИН, талантливый парень, чудо... Сейчас не знаю куда он делся. Помер, наверное, давно. Вот он первый год, выйдя из лагерей, работал у меня и стеснялся брать два кусочка сахара из общей миски. Ой, господи! Было страшно смотреть! Ну, ничего, потом он оклемался.

Ю.В.: А скажите, курсовые там и так далее. Обходились книгами в основном: учебники или научные монографии? Еще какие-то вещи? Во время учебы. Как это было?

В.Б.: Да нет, по-моему, ничего особенного мы... Ога я читал в переводе на русский язык. Мушкетова. Это научпоп, литература! Она, в общем, мало что давала. А так ничего не читали особенного. Арган! Арган меня, в общем, до сих пор... Шарьяжист пламенный.

Ю.В.: Вот поэтому я хотел спросить, были ли какие-то геологические книжки, которые в то время вас поразили красотой...

В.Б.: Арган. Арган и Вегенер.

Ю.В.: А Вегенера вам в МГУ читали?

В.Б.: Нет-нет-нет. Упоминали о том, что он существует.

Ю.В.: У меня тогда вопрос такой. Были ли у вас в руках, когда вы учились, какие-то книжки геологические, которые запомнились как некое совершенство, как некий образец?

В.Б.: Нет, не скажу, не скажу... Кстати говоря, у моей жены была история с Георгием Сергеевичем Горшковым*, который у нас был профессором. Но я-то уже через это прошел, а она была курсом младше. Он ей читал геотектонику. Когда был экзамен, она ответила по билету, и он ее спросил: «А какая из геотектонических гипотез вам кажется самой привлекательной?» Она моментально ответила, ни секунды не задумываясь: Вегенер.

* Вероятнее всего, оговорка: Георгий Степанович Горшков.

Ю.В.: И как он, ничего?

В.Б.: Он промолчал и поставил ей пять. (*Смеются.*)

Ю.В.: Но это хорошо его характеризует.

В.Б.: Георгий Сергеевич все-таки был ученый.

Участие в общественной жизни геологического факультета

Ю.В.: Понятно. Чуть-чуть вбок, а потом вперед. Вбок — такое: сама атмосфера... Помимо учебы, есть еще общественная атмосфера, комсомол, партийная организация...

В.Б.: Естественно.

Ю.В.: Каким-то образом вы в этом участвовали?

В.Б.: Естественно участвовал. Во-первых, я был такой компанейский парень. И комсорг группы, комсорг курса, невзирая на печальную биографию. Я был комсорг курса — это уже что-то!

Ю.В.: Это много, это много!

В.Б.: Но Сталинской стипендии, невзирая на все пятерки, мне никогда не давали. Просто повышенную.

Ю.В.: Понятно.

В.Б.: Дальше. Активнейший спортсмен. Сборная лыжная команда факультета. Сборная команда факультета по волейболу. Легкоатлетические соревнования. Поскольку я был безотказный мужик, меня ставили, например, на десять тысяч метров бега по стадиону. «Ну некого ставить! Вилька, может, пробежишь?» — «Ну, попробую!» Я добежал. Хотя бы не сошел с дистанции и получил зачет общефакультетский. Да! Еще к тому же — музыка! Хор университетский. Во-первых, поскольку у меня более-менее приличный музыкальный слух, я всегда мог начинать общие песни с того тона, с того уровня, на который более или менее все попадут. А не так чтобы — ни выше, ни ниже. Потом дирижировал хором. Пели и геологические песни, пели старые университетские песни. *(Напевает.)* «От зари до зари, чуть зажгут фонари, вереницей студенты шатаются. Они горькую пьют, они песни поют и еще кое-чем занимаются!» И так далее. Вот этих песен у меня в башке сидит дикое количество: «Отелло — мавр венецианский», «Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой», или, скажем, «Ходит Гамлет с пистолетом». Это же целая музыкальная библиотека.

Ю.В.: Хорошо. А вот... 1949 год. Вот кампания [против космополитов]. Как-то сказала у вас на курсе, в группе, в университете?

В.Б.: Нет-нет. Никак. В университете не сказала никак. Все это прошло через МГРИ.

Ю.В.: Я имею в виду антисемитизм, космополитизм. Я это имею в виду. Не барышевское.

В.Б.: Тех евреев, кого напринали на курс, в августе месяце, не трогали. Так они и остались.

Ю.В.: То есть не было каких-то событий, ну, я не знаю, когда надо было кого-то прорабатывать, исключать?

В.Б.: Были, были конечно. Не за национальность.

Ю.В.: А за что еще?

В.Б.: У нас какие-то были чисто житейские ситуации, я не помню. Житейские. Я помню Шевырева, в Институте палеонтологии до сих пор оставался, сейчас не знаю, куда он делся, наверно тоже помер. Стали его исключать из комсомола за то, что он оскорбил Алевтину Львовну Юрину, очень крупного впоследствии палеоботаника и так далее. Сказал: ты — какая-то там «неприличная дева». Господи, ну дичь собачья!

Ю.В.: Понятно, но это другое...

В.Б.: Я помню какие-то дикие совершенно вещи. Я всегда голосовал против. Идеологических...

Ю.В.: Политических [дел] не было?

В.Б.: Нет-нет-нет. За исключением того, что меня два раза пытались вычистить из университета по совершенно идиотским вещам. Например, после первого курса мы пошли на лыжах на Кольский полуостров. У нас был такой маршрут, зимний. Туристический. А лавинная служба закрыла выходы из Кировска на маршрут. Мы три дня сидели и не успели пройти маршрут в заложенный срок. Потом маршрут кончили. Приехали в Москву, но опоздали на три дня к началу занятий в университете. Нас было пять человек. Четырем человекам объявили выговор, в том числе начальнику маршрута, а меня представили к отчислению. Было совершенно ясно — почему. В данном случае пришлось применить интенсивные усилия. Это потребовало хождения, моления и так далее. Университет запросил у лавинной службы подтверждения на то, что действительно был запрет на выход группы. Лавинная служба дала ответ, что действительно был.

Ю.В.: Это первый случай.

В.Б.: А второй случай... Мы ходили в оперу. А только-только в Большом театре поставили «Чио-Чио-Сан». Мы пошли. Там «любезные Сузуки» и все такое прочее. И у нас после этого для девочек из нашей группы было обращение «Любезная Сузука!» (*Смеются.*) Я как-то на практическом занятии по осадочной петрографии к своей соседке обратился: «Любезная Сузука, загляни-ка в мой микроскоп и посмотри, что я там вижу». Преподаватель, Фролов такой, он тогда у нас был на кафедре — или на факультете — секретарем парторганизации. Встрепенулся. И возбудил большое дело, что я обозвал соседку сукой, любезной к тому же сукой.

Ю.В.: Но она же не подтверждала?

В.Б.: Она не подтверждала. Никто не подтверждал. Но дело тем не менее крутилось. После чего Алексей Алексеевич Богданов сказал:

” **«Кончайте с вашими идиотскими привычками! А то вытаскиваю вас, дураков, из помойной ямы!» На этом все дело кончилось. А раскручивалось дело по партийной линии. Довольно-таки основательно.**

Ю.В.: Но я думаю, причина опять та же самая?

В.Б.: Да. Конечно. А последний отзвук — распределение.

Ю.В.: К распределению подойдем. Давайте поговорим о полевых практиках.

Полевые практики и экспедиции

В.Б.: Полевые практики у меня были у Алексея Алексеевича Богданова в Центрально-Казахстанской экспедиции. Ой, кстати говоря, о полевых всяких штуках. Буквально на первом курсе кто-то из старшекурсников нас потащил в Горки Ленинские, в пещеры. Сейчас я не помню, кто это был из старших ребят. Мы туда слазали. Походили. Побродили. А потом решили, что мы же геологи. Нам нужно ходить по полям. И начали ходить сами. Подольские карьеры. Собираемся в воскресенье. Компашкой. Харчи берем с собой. Едем в Подольск, в карьеры. Выколачиваем брахиопод. Кварцы всякие. Еще другие случаи. На юрские обнажения. Начали ходить по Подмоскovie.

Ю.В.: А кто в этой компании был?

В.Б.: Мишка Семихатов, я, Володька Козлов, Владимир Васильевич Козлов. Чистая самодеятельность.

Ю.В.: Так это очень важная самодеятельность.

В.Б.: Да. Потом, на следующий год, когда пришел новый первый курс, мы пошли к ребятам и сказали: «Не хотите ли?» Тут сразу поднялась большая суета. Колька Херасков — Николай Павлович Херасков. Андрей Перфильев.

Ю.В.: Ну и имена!

В.Б.: Ну, и так далее. Все они, значит, с песнями. И мы их стали водить по тем же самым местам. На Гжель. На гжельские пестроцветные... и так далее. Мы уже кончили, а традиция продолжалась. Ходили люди.

Ю.В.: А какие-то в ваше время научные конференции...

В.Б.: В общем-то, нет. Конечно, на все защиты, предзащиты — мы ходили, конечно, неукоснительно. А так, чтобы самим что-то...

Ю.В.: Защиты, предзащиты — прошу прощения, в смысле дипломы или кандидатские?

В.Б.: Нет, не дипломы. Дипломы — это ерунда, а кандидатские диссертации — обязательно. Все студенты. Я прослушал диссертацию Олега Мазаровича. Почесал затылок и решил, что такую работку я одной левой напишу. (*Смеются.*)

Ю.В.: Практики, не преддипломная, а вот такие, полевые практики. После третьего курса, наверное. Что за практика у вас была?

В.Б.: Нет. Это Казахстанская экспедиция.

Ю.В.: Все практики в Казахстанской экспедиции?

В.Б.: Казахстанская экспедиция. Сарысу-Тенизский водораздел.

Ю.В.: О! Знакомые места. То есть вы там были и на дипломной тоже?

В.Б.: И на первой производственной, и на... На первой производственной у меня был совершенно изумительный номер. Меня посадил Алексей Алексеевич на лист [геологической съемки] к югу от озера Тениз. Там была совершенно ровная степь. Но, в общем, она была отпрепарирована, и дешифрировались на аэроснимках все слоечки. Все это было прекрасно. И через это самое дело шла долина реки Жаксыкон. И в прекрасных обрывах все обнажалось. И он меня на этот самый разрез посадил с самого начала. Говорит: «Сиди. Весь разрез сделай, и все контакты протяни направо и налево по всему планшету».

Ю.В.: Это было после какого курса?

В.Б.: После четвертого. А! Нет. Это было после третьего курса. Я собрал все окаменелости. Рита Мартынова, Эля Борина, они все определяли. Пробили все контакты. Потом по аэроснимкам, на аэрофотосхеме я все эти контакты протянул. Все это было прекрасно сделано. И вот этот лист, один стотысячный лист, он полностью, только мной сделан. Больше никем! У нас тогда на партию было пять листов. Один этот лист я делал сам. Остальные...

Ю.В.: Фактически вы работали как геолог, а не как коллектор.

В.Б.: Да, конечно. Как нормальный геолог. А на преддипломной практике Алексей Алексеевич на меня навесил весь нижний палеозой. А там было две группы партий. И, значит, одна была, Тихомировская группа партий на западе. Другая была на востоке, Наталья Петровна Четверикова. У нее там был хороший разрез нижнего палеозоя. С фауной, ну, с паршивой фауной. Граптолитов там почти что не было. Конодонтов. О конодонтах вообще не имел никто ни малейшего представления. Но хоть какая-то фауна была. И он меня заставил описать все разрезы нижнего палеозоя на западе и осуществить корреляцию. И я описал эти разрезы. Но корреляции никакой не было. Потому что там был какой-то глубоководный разрез, а здесь был флишевый, окраинно-континентальный. И флиш с глубоководным разрезом не коррелируются никоим образом.

Ю.В.: То есть тема диплома была «Геологическое строение....»

В.Б.: Тема диплома была «Нижний палеозой Сарысу-Тенизского водораздела». И оказалось, что два таких разреза, они совершенно некоррелируемы. Но ничего не поделаешь. Потом, конечно, когда пошли конодонты, их скоррелировали. И оказалось, что все это чушь собачья, все совершенно не так.

Ю.В.: Как прошла защита?

В.Б.: Диплома? Нормальненько. Все хорошо. Получил диплом. И тут начались проблемы с распределением.

Распределение после университета

Ю.В.: Вот! Вот я думаю, что начались...

В.Б.: Да. Борис Максимович Келлер...

Ю.В.: Да ну, у вас же все пятерки!

В.Б.: У меня все пятерки.

Ю.В.: И диплом, наверное, пятерка?

В.Б.: И диплом «Нижний палеозой». Борис Максимович Келлер: «Я, — говорит, — беру этого студента».

Ю.В.: Он тогда был где?

В.Б.: В ГИНе. В ГИН хотели взять всю нашу троицу: Книппер, Буш, Семихатов. Всех троих! Борис Максимович Келлер говорит: «Все, я беру, пускай он сядет на Центральный Казахстан. Семихатов пускай садится на Алтае-Саянскую область. И вот мы займемся хорошо с нижним палеозоем». Но тут партком... (*Смеется.*)

Ю.В.: Характеристика? ГИНовский?

В.Б.: Моя характеристика была совершенно нормальная. Все пятерки, общественная работа, спорт и так далее, и все прекрасно. Но в ГИНе...

Ю.В.: Это какой год, прошу прощения?

В.Б.: 1954-й.

Ю.В.: А директор — Шацкий?

В.Б.: Да. Был Шацкий.

Ю.В.: И каким же образом?

В.Б.: А вот так!

Ю.В.: А с Шацким не удалось?..

В.Б.: Нет.

Ю.В.: Не видели?

В.Б.: Нет. Единственное, с кем по поводу распределения мне удалось покалякать, это с Алексей Алексеевичем [Богдановым]. Он сказал: «Я, — говорит, — тебя...» А с Борис Максимовичем мы поговорили. Он был страшно доволен. «Я, — говорит, — вас беру и все». А с Алексей Алексеевичем — он сказал... Он меня на «ты», потому что Алексей Алексеевич был... «муж Наташки Буткевич» (*говорит тонким голосом*).

Ю.В.: Я прошу прощения...

В.Б.: Это Тимирязевская академия. Старые академические связи.

Ю.В.: А-а! Понятно. Все-таки скажите, вот вы сказали, что партком — нет. Это все заочно проходило? Или вы с кем-то говорили?

В.Б.: Это все проходило заочно. Алексей Алексеевич сказал мне: «Вильям, тебя в ГИН не пропустят».

Ю.В.: Ну, это он сказал как бы в будущем...

В.Б.: Нет. Он сказал: «С ГИНОм у тебя ничего не получается».

Ю.В.: А Келлер что-нибудь сказал?

В.Б.: Келлер ничего не сказал. И я никуда не ходил.

Ю.В.: А вы с Келлером вообще беседовали тогда?

В.Б.: Беседовал один раз, когда он сказал, что Семихатов пойдет на Алтае-Саянскую область, а ты пойдешь на Казахстан... Ну, значит, пристанище для евреев и прочих непонятных людей — это аэрогеология.

Ю.В.: Аэрогеология. Хорошо. Прежде, чем мы, как говорится, разомнем аэрогеологию, чуть-чуть назад. Все-таки вы учились в такие годы, в которые в стране много чего было. Кончилась война недавно, потом 1949 год, закручивание гаек...

Похороны Сталина

В.Б.: 1953-й, похороны нашего любимого вождя...

Ю.В.: Похороны-то заслуживают какого-то отдельного отношения...

В.Б.: Да, может быть, может быть... Там были приключения...

Ю.В.: Что было в университете во время похорон?

В.Б.: Естественно, в первый день все были в университете. Всё бурление. Надо сказать, у меня к вождю были свои собственные отношения и свой собственный зуб. Я, конечно, ничего не знал и ничего не мог представлять. Но общий смысл того, что происходило, мне был ясен. И у меня к нему было, невзирая на все исторические заслуги во время войны, собственное отношение. Негласное, не выражаемое и потаенное. Но тут я был полностью захвачен атмосферой курса и...

Ю.В.: Были какие-то официальные заседания?

В.Б.: Нет, официальных заседаний не было в этот день. Но когда объявили, что открыт доступ... Все идем! Весь факультет идет. Естественно, и я, конечно... Вышли на улицу Герцена. Не пускают к Дому Союзов. Пускают только вверх по улице Герцена. Пошли вверх по улице Герцена. Дошли до Бульварного кольца. Направо, к Пушкинской площади, не пускают. Перегорожено все. Стоит оцепление. Гонят дальше, вверх по Никитской. Идем. Дошли до Садовой. Пускают направо. Идем направо. Уже по Садовой движения машин нет. Группки идут, кто по тротуарам, кто по проезжей части. Такими кучками. Идем, идем, идем. Дошли до Новослободской. На улицу, тогда называлась улица Чехова, не пускают. Идем дальше, вниз. Проходим через Каретный ряд — тоже не пускают. Проходим через Самотеку — не пускают. Гонят дальше, туда идите. Дошли до Колхозной, а вот там пускают. Садовая, она вся группками отдельными заполнена. Идем вниз, к Бульварному кольцу, тут уже потеснее. Группки сплотились, идем более или менее плотненько. Доходим до метро «Кировская», там все перегорожено, налево-направо не пускают. Пускают только по правой линии, вниз к Самотеке. А бульвар перекрыт машинами, милицией. Тут уже... Трамвайные пути и тротуар. Больше ничего. Идем, значит. Тут уже плотная толпа. Плечом к плечу.

Начинаем спускаться вниз к Самотеке, и тут — стоп. А сверху-то народ напирает.

Уже начинается давка, толпотня. Дети тут еще какие-то. Детей каких-то идиоты тащат с собой. Начинается вопль... Визг! А пар стоит над толпой. Прохладно было. Какой-то пар стоит. Начинают люди терять сознание.

А мы шли еще как-то, более или менее, вдоль стены. Конечно, растерялись все. Осталось нас человек пятнадцать с курса, группкой. Вдоль домов. И тут нам начинают детей давать, по головам. Мы стучим в стекла домов, там двухэтажные домики. Открывают нам окна, мы туда начинаем передавать детей. Потом каких-то женщин туда передаем. Потом говорим: «Ребята, полезли отсюда!» Вылезли сами. Что там было с детьми и женщинами — я не помню. Но нас выпустили на Самотечный бульвар, через проходные дворы. И мы посмотрели на то, что творится на Самотеке. Там стоял этот клуб пара, над машинами, которыми был перегорожен выход на Самотечный бульвар. И вопль! Помню я до сих пор. Потом, конечно, мы шли по домам. Никакому Иосифу Виссарионовичу мы не стали являться.

О советских геологах

Ю.В.: Хорошо. Прежде чем перейдем к такой уже жизни, после распределения. На курсе вашем, или младше на курс, вы упоминали — Херасков, Перфильев-старший, когда вы учились, были...

В.Б.: Старше были Зоненшайн, Мосаковский...

Ю.В.: Это же куча выдающихся студентов была!

В.Б.: Конечно! Мы сдавали перед кандидатской диссертацией Алексею Алексеевичу Богданову кандидатский минимум — Буш, Мосаковский, Зоненшайн. Вот втроем мы сдавали ему кандидатский минимум по геологии.

Ю.В.: Да, у вас там вся геология получилась! Семихатов, Херасков, Перфильев. Выдающееся поколение.

В.Б.: У нас была хорошая когорта. Это, конечно, было связано с тем, что, во-первых, кончилась война. И в геологии была дырка, потому что было выбито целое поколение людей. Довоенная какая-то когорта была — а потом пустота, яма. И вот как-то нас туда потянуло, не помню, почему...

Ю.В.: Хорошо, скажите, а когда вы учились, о каких-то геологах, скажем, не эмгэушных, академических, слышали что-нибудь? Геология же не исчерпывалась, прошу прощения, МГУ...

В.Б.: Конечно! Тот же самый Келлер, и Пейве, и Шатский, и Пустовалов — это все были личности, на которых мы не то что молились, поскольку нас к ним не допускали, — были слишком мелкой сошкой. В общем-то, они у нас были образцами.

Ю.В.: Страхов, вот такие?

В.Б.: И Страхов тоже. И Яншин.

Ю.В.: А о Тетяеве что-нибудь слышали тогда? Как-то он фигурировал у вас? Очень же крупный был...

В.Б.: Крупнейший был, конечно, мыслитель. Потрясающий геолог был Тетяев. Нет. О нем мы ничего не слышали. Нас от него, так сказать, благополучно избавили. По соответствующим причинам. Обручев! Ну, как же... «Плутония»! *(Смеются.)*

Ю.В.: «Земля Санникова».

В.Б.: «Земля Санникова». Это беллетристика, конечно.

Ю.В.: Скажите, я хочу, чтобы вы попробовали сравнить две вещи. Когда вы кончили МГУ, вы себя чувствовали профессионально уже подготовленным геологом?

В.Б.: Да.

Ю.В.: Уровень [этой подготовки] как вы оцениваете?

В.Б.: Безусловно, мы себя чувствовали частью этой самой когорты.

Ю.В.: То есть уверенно?

В.Б.: Да. Абсолютно уверенно! У меня был номер после третьего курса, когда я сделал один лист сотысячной карты, полностью я один! Больше никто к нему не прикасался.

Ю.В.: Ну, чудеса какие-то.

В.Б.: Я чувствовал, что... А чего ж там! Поедем туда! Прослушал диссертацию Олега Мазаровича. И решил, что я такую смогу написать без малейшего труда. Мы себя чувствовали как самое младшее поколение той же самой когорты. И Алексей Алексеевич Богданов, Ирина Федоровна Трусова, которая у нас не преподавала, но...

Ю.В.: Вы с ней в Казахстанской экспедиции пересеклись?

В.Б.: Да! Ой господи, я же у нее был коллектором! Она к нам приезжала в партию, Ирина Федоровна. В качестве самого могучего переносчика образцов меня ей выделили в качестве коллектора. Ирина Федоровна шла под зонтиком, под каким-то пестрым зонтиком, хорошеньким. В кофточке. Единственное что — у нее были не туфли на высоких каблуках, а кеды. Кедов не было в то время... тапочки резиновые, синенькие тапочки с белой резиной внизу. Она меня навьючивала образцами, которые я должен был отколоть шесть на двенадцать, чтобы все сколы были свежие, а один выветренный.

Ю.В.: Понятно, а стиль ее работы в поле?

В.Б.: Она лизала обнажения с лупой! Не в микроскопе. Она лизала обнажения, причем с выветренных сторон, с более или менее свежих сколов.

Ю.В.: То есть произвело впечатление?

В.Б.: Да! Тщательность работы, именно полевой. Литвинович, палеонтолог, как она нюхала и говорила: «Вот отсюда, вот отсюда, вот отсюда! Разбей этот самый кусок пополам! Мы же коллектора! Разбей кусок пополам — там должно что-то быть!» Значит, я бью пополам — нет. Еще пополам, еще пополам. Этот кусок — а! Вот он! (*Смеются*). Откуда она знала, что он именно тут?! Именно этот кусок надо колотить. У меня с Мишкой Семихатовым был номер после... какого бишь курса?.. Неважно! Мы поехали на Тянь-Шань собирать образцы для музея МГУ. Мы отбирали образцы с классических разрезов Вялова, Аделунга и прочих... Васильковского.

Ю.В.: Но это значит не третий курс и не четвертый... Это вы уже были в Казахстане. Значит, второй, может быть...

В.Б.: Да. Наверное... Музейная экспедиция называлась... И, значит, обнажение, с которого Вебер, Валерьян Николаевич Вебер, по-моему, в 1912 году, нашел трилобита кембрийского. Нам было дано задание Натальей Петровной Костенко найти еще одного трилобита. Мы четыре дня с ним колотили эти самые черные, мрачные, битуминозные известняки. Ничего, абсолютно! Через четыре дня мы его нашли. Одного-единственного. Вот это был номер!

Ю.В.: Экспедиция себя оправдала.

В.Б.: Да-да-да. Вот это палеонтология! Но мне это не нравилось.

Отношение к власти и аресту отца

Ю.В.: Поскольку вы были комсорг... Когда в МГУ учились, в партию не пытались вступать?

В.Б.: Я лично не пытался, поскольку не было сигналов. А сигналов, естественно, не могло быть. Впоследствии в каждой новой геологической организации, в которую я переходил, мне предлагали вступить в партию и зачисляли в резерв.

Ю.В.: И чем кончалось?

В.Б.: Нулем.

Партия от моей личности оберегалась строжайшим образом. Сыновья расстрелянных латышских стрелков ей совершенно не подходили.

Невзирая на все... Я думаю, что отец был пламенный коммунист, конечно. Безусловно. Это у меня не возбуждает никаких сомнений. Но!.. За что боролся, на то и напоролся!

Ю.В.: А скажите, в приватной, что ли, в частной форме, однокурсники, друзья между собой обсуждали, что в стране происходит?

В.Б.: Нет. Это было чревато, и инстинктивно мы этого не делали.

Ю.В.: Не касались?

В.Б.: Да. Это был инстинкт, заложенный с 1937 года. А нет, даже и после смерти великого вождя. Единственно, о чем я размышлял, — помню, мне казалось, что сейчас начнется резня. Но к сожалению, вернее к счастью, я оказался не прав. Резни не началось, а начались отставки, посадки... Но единственно, что Берию прикончили.

Ю.В.: Просто чтобы понять. Резня начнется где? Наверху?

В.Б.: Я думал, что наверху она не кончится. Я думал, что...

Ю.В.: Нет, что резня, вот вы сказали: вы думали, что начнется резня.

В.Б.: То, что она начнется наверху, — для меня это было абсолютно ясно. Но я боялся, что она пойдет гораздо ниже. Но вот в этом отношении мои опасения не сбылись, к счастью.

Ю.В.: Скажите, вы в семье жили все эти годы учебы в МГУ? Или как?

В.Б.: Я жил в семье. В нашем «Кисятнике», который к тому времени, так сказать, несколько сократился. Тетя Киса померла. Тетя Нана, это Надежда Любченко, тоже померла. Нет, она тогда еще не померла — она была парализована. Она лежала в комнате, у нее отнялись ноги. За ней был уход, всеобщий. Я жил там, конечно. Ну и с начала 1952 года мы уже с будущей моей женой жили вместе на перекладных. То я у нее в общежитии университета — она была аспиранткой у Алексея Алексеевича [Богданова], — то она у меня на Тимирязевке. А потом я отделился оттуда.

Ю.В.: Скажите, а фронтовики, были в группе, на курсе?

В.Б.: У нас в группе, то есть не в группе, а на курсе, было три фронтовика. Два из них были латыши. Один из них ушел после первого курса. Второй кончил первый курс и где-то в середине второго умер от туберкулеза. Раймонд Платайс, такой был прекрасный парень! Такой чудесный мужик. А третий из них кончил вместе с нами, остался в аспирантуре, получил кандидатскую и больше ничем не прославился.

Ю.В.: А скажите, материальное положение во время учебы? Приходилось подрабатывать?

В.Б.: Нет-нет-нет. Во время учебы — нет. То есть до, так сказать, до перехода на учебу, куда я жил

в семье, я подрабатывал. Регулярно. А тут — нет. Потому что я после первой же сессии получал повышенную стипендию.

Ю.В.: То есть это как-то... Грубо говоря, на еду и на какие-то книжки...

В.Б.: На еду, на книжки, на выпивку хватало. Я еще собирал комсомольские взносы, и у нас был лозунг: «Если у тебя есть взносы, пропей их!» Мы их пропивали в коктейль-холле на улице Горького. Потом приходилось возмещать, соответственно сдавать.

Ю.В.: А касса взаимопомощи была у студентов? Нет?

В.Б.: Была-была-была. Но лично я ею не пользовался.

Ю.В.: А скажите, все-таки папу, как говорится, забрали ни за что. С мамой все эти годы, пока вы учились, были какие-нибудь обсуждения?

В.Б.: Нет. Никогда.

Ю.В.: А с сестрами?

В.Б.: И с сестрами тоже. Я все знал. Я знал, что ни в какую командировку отец не поехал. Я знал, что он арестован. Я знал, что вместе со всеми врагами народа осужден. Но с матерью у меня разговоров на эту тему не было. И с сестрами тоже. Я думаю, что они тоже это знали. Но мы это друг с другом не обсуждали. Мы примирились с этим как с данностью. И дальше нужно действовать самим и...

Ю.В.: Чтобы жить...

В.Б.: Да. Надо жить так, будто этого всего не случилось.

Ю.В.: Вы упоминали, что у сестер, в отличие от вас, были трудности, когда они поступали.

В.Б.: У старшей — да. Ее завернули с серебряной медалью на собеседовании из университета. Потом она поступила в «керосинку». В МИНХиГП, кончила его прекрасно. Работала в Средней Азии, в нефтяной геологии. Совершенно прекрасно работала. Защитила кандидатскую.

Ю.В.: А младшая сестра?

В.Б.: Младшая поступила во МГРИ, кончила гидрогеологию. Работала во ВСЕГИНГЕО, с совершенно изумительным парнем, который был ее мужем, Алешка Безроднов. Такой талантливый парень, чудо что за мужик. Умер в сорок лет. И она осталась вдовой. Две дочки. Диссертацию она так и не защитила. Доработала до пенсии. Сейчас она пишет прекрасные стихи. Но не издает их, конечно. Какие-то ротапринтные издания...

Ю.В.: К концу вуза вы чувствовали, что у вас уже специализация определяется?

В.Б.: Да, безусловно. Тектоника. Тек-то-ни-ка. Изучение строения земной коры. Мне было совершенно ясно, что дальше я буду заниматься именно этим. И именно этим я до сих пор и занимаюсь.

му не было. И с сестрами тоже. Я думаю, что они тоже это знали. Но мы это друг с другом не обсуждали. Мы примирились с этим как с данностью. И дальше нужно действовать самим и...

Ю.В.: Чтобы жить...

В.Б.: Да. Надо жить так, будто этого всего не случилось.

Ю.В.: Вы упоминали, что у сестер, в отличие от вас, были трудности, когда они поступали.

В.Б.: У старшей — да. Ее завернули с серебряной медалью на собеседовании из университета. Потом она поступила в «керосинку». В МИНХиГП, кончила его прекрасно. Работала в Средней Азии, в нефтяной геологии. Совершенно прекрасно работала. Защитила кандидатскую.

Ю.В.: А младшая сестра?

В.Б.: Младшая поступила во МГРИ, кончила гидрогеологию. Работала во ВСЕГИНГЕО, с совершенно изумительным парнем, который был ее мужем, Алешка Безроднов. Такой талантливый парень, чудо что за мужик. Умер в сорок лет. И она осталась вдовой. Две дочки. Диссертацию она так и не защитила. Доработала до пенсии. Сейчас она пишет прекрасные стихи. Но не издает их, конечно. Какие-то ротاپринтные издания...

Ю.В.: К концу вуза вы чувствовали, что у вас уже специализация определяется?

В.Б.: Да, безусловно. Тектоника. Тек-то-ни-ка. Изучение строения земной коры. Мне было совершенно ясно, что дальше я буду заниматься именно этим. И именно этим я до сих пор и занимаюсь.